

**"В неизведанные края. Путешествия на Север 1917 – 1930
г.г."**

Автор: Сергей Обручев

Выше Верхних Контор Подкаменная Тунгуска имеет протяжение еще около 500—600 километров. Но исследование этого участка представляет большие трудности, так как ниже Кеульских Контор, по рассказам ангарских крестьян, находится непроходимый порог, тянувшийся не менее чем на 70 километров. Только один раз по большой весенней воде удалось какому-то купцу сплавить

через этот порог пустую илимку. Снабжение Кеульских Контор и расположенных еще выше по течению Илимских Контор производится с среднего течения Ангары и с Илима. Поэтому для изучения этих истоков Подкаменной Тунгуски необходима отдельная экспедиция, а исследование среднего течения реки приходится начинать от Верхних Контор.

Наиболее короткая вьючная тропа в Верхние Конторы начиналась из большой излучины Ангары. На этот раз я решил проехать на Ангару новым путем, чтобы познакомиться со страной к югу от реки. Со своими тремя спутниками я приехал на станцию Тайшет Восточно-Сибирской железной дороги. Отсюда шла колесная дорога к селению Дворец на Ангаре. Состояние этого тракта не было мне известно, но можно было надеяться, что по нему мы скорее попадем в район среднего течения Ангары, чем из Иркутска. В редких лесных деревнях по тракту я рассчитывал нанимать сменных лошадей.

Выехав из Тайшета, дважды мы переправлялись через большую реку Ону, которая выше, в пределах Восточного Саяна, называется Бирюсой (на картах теперь обычно пишут оба названия), и затем пересекли лесистое плоскогорье между нею и Чуной. Сначала дело шло хорошо, но в селе Неванском, у Чуны, нас ждало первое разочарование: оказалось, что на тракте разрушены мосты и можно проехать только верхом.

Неванские крестьяне предложили сплавить наш груз на плоту до деревни Выдриной, где дорога отходит от Чуны на восток.

На следующий день два крестьянина сделали плот и пригнали его к деревне. Он был связан из девяти сухостойных еловых стволов, которые подняли бы и вдвое больший груз. Река быстро понесла нас вниз, и единственный на этом отрезке порог был пройден благополучно. Чуна, как и все реки, текущие в пронизанном траппами Средне-Сибирском плоскогорье, имеет много порогов.

В Выдриной мы выдержали очередное сражение с ямщиками и двинулись дальше к притоку Ангары – Муре.

Покидая Чуну, я и не знал, что через шестнадцать лет вновь попаду на нее, но уже в верховьях, в глубине Восточного Саяна, где она называется Удой. Река эта трижды меняет свое название, так как ниже ее слияния с Оной мощная река на коротком ее протяжении, до впадения в Ангару называется Тасеевой.

Тракт до Муры остался нам памятным своими комарами и мостами. Комаров было здесь, собственно, нормальное для сибирской тайги количество, но для нас они были первыми после зимнего перерыва, и поэтому особенно запомнились.

Мосты на этом тракте приобрели очень своеобразную форму: середина моста обычно сильно возвышалась над его концами, а иногда мост вовсе имел вид двускатной палатки, и, въехав на такой гребень, лошадь с трудом перетаскивала через него теле гу. Такая форма мостов – результат действия вечной мерзлоты: средние сваи моста вследствие многолетнего вымораживания выпирались вверх. Первые годы после революции мосты не ремонтировались, и в сухое время года крестьяне предпочитали объезжать их стороной, если брод через речку был возможен.

От реки Муры мы вскоре выехали в широкую долину Ангары у селения Дворец. Отсюда надо было подняться вверх по реке и пройти несколько шивер и серьезный порог – Аплинский.

Ангарские крестьяне в течение столетий до революции справляли "ямщину" – гужевую повинность – на лодках: так "гоняли" почту, так возили и всяких чиновников. По берегу были только верховые и пешеходные тропки, а на колесах ездил лишь вблизи деревень. Ангарец с презрением скажет бывало неумелому гребцу: "Какой же ты ямщик, если ты с лодкой не умеешь управиться!" Нам в селении Дворец также предоставили большую лодку с ямщиками: одним мужчиной в качестве кормщика и несколькими женщинами – гребцами и бурлаками. Женщины на Ангаре справляются с лодками не хуже мужчин, так как половина передвижений осуществляется по воде: чтобы коров подоить, надо съездить на остров, за ягодами или на покос – также на лодке, по самой Ангаре или по "речке" (на Ангаре речками называют все притоки, а река – только сама Ангара); даже на мельницу, если она стоит на "речке" вблизи Ангары, везут зерно на лодке. А то перекинут длинные узкие кули с зерном, сшитые из домотканного холста, через седло и едут верхом.

В ангарском хозяйстве, если муж ленив или слабосилен, почти вся лодочная работа лежала на женщине. Любимый ангарский анекдот о ленивом муже, который говорит жене, долго тянувшей лодку бечевой (пока он сидел на корме): "Что, уста ла бечевой итти? Сядь в гребни, отдохни немного". С подобной супружеской парой мы поднимались в 1923 году по притоку Ангары, реке Кове. Угрюмый муж все время пилил добродушную и старательную жену и время от времени – для острастки – ругал ее "жабой".

Первые препятствия – Косой Бык и шиверы Медвежью и Ковинскую – мы прошли довольно легко. У Ковинской шиверы сменились ямщики, но опять почти весь экипаж был женский. Гороховая шивера была также легко преодолена, но самое главное препятствие – Аплинский порог – было еще впереди.

В этом пороге нам пришлось всем выйти из лодки и помогать женщинам тянуть бечеву. У левого берега, где поднимали нашу лодку, порог менее внушителен, чем у правого, где рас положены "главные ворота" для спуска судов. Там мощная река бьет в высокие утесы, и кажется, что судно бросит волнами на них.

За Аплинским порогом мы вошли в пределы главного поля Тунгусского бассейна, горы стали ниже, шиверы незначительны. Сменив еще раз ямщиков, мы добрались до села Кежмы, крупнейшего на этом участке Ангары.

Кулаки приангарских деревень до революции занимались эксплуатацией эвенков (тунгусов): снабжали их по высоким ценам товарами, боеприпасами, спаивали, опутывали долговой сетью. На Ангаре это называлось "тунгусничать". Молва объясняла обогащение некоторых ангарских богачей беззастенчивым "тунгусничаньем", часто переходившим в прямые преступления, вплоть до убийства из-за сотни беличьих шкур. В Кежме и в Пановском в 1924 году были еще живы некоторые "тунгусни чавшие" ранее кулаки, но эксплуатировать эвенков они уже не могли: на Подкаменной Тунгуске появились государственные фабрики, снабжавшие эвенков всем необходимым и скупавшие от них пушнину.

От Кежмы до Пановского 50 километров, и мы прошли их легко и быстро. С некоторым трудом удалось мне собрать в Пановском необходимое число людей и лошадей, чтобы перебросить наш груз на Подкаменную Тунгуску. Еще труднее было найти лоцмана, без которого пускаться в плавание по порогам невозможно. В Пановском многие крестьяне бывали на Подкаменной Тунгуске или на Ближней Катанге, как они ее называют, но только один-два из них знали всю реку. Да и те не могли ехать с нами на все лето в такой длинный путь. Возвращаться обратно через Енисейск и Красноярск – в то время путь очень сложный и долгий. Наконец нам указали старика Ивана Парфеновича, жившего в одной из островных деревень близ Пановского. Ивану Парфеновичу было в то время семьдесят пять лет, и дома он уже не принимал участия в тяжелых работах. Перспектива поехать на Подкаменную Тунгуску его соблазняла: он хотел потом навестить свою замужнюю дочь, которая жила в Красноярске. Правда, старик несколько страшился порогов Подкаменной Тунгуски: он проходил их один лишь раз. Сидевший рядом на завалинке, где мы вели беседу, более дряхлый старик очень

поощрял его к поездке: "Езжай, паря, чо тебе на завалинке-то сидеть". В конце концов удалось уговорить старика, и через день мы пустились в путь.

От Пановского до Верхних Контор около 125 километров. Тропа идет по ровному плоскогорью, возвышающемуся всего метров на 100 над Ангарой. Местами его прорезают плоские долинки, и только долина Чадобца – большого правого притока Ангары – врезана более глубоко. Кое-где над плоско горьем поднимаются плоские увалы. Путь идет по сосновым и лиственничным лесам, и на водоразделах сухо. Тропа крепкая, широко "рассечена": по ней ездят уже много лет и зимой и летом. Высокие красные стволы сосен и лиственниц – везде, куда ни помотришь. Лошади идут быстро; но вот мы входим в долину маленькой речки, и начинаются болота. Это не бесконечные болота Якутии, по которым бредешь день за днем – они шириной всего в несколько десятков или в сотню метров, но зато гораздо опаснее: вечная мерзлота лежит здесь глубоко, и лошадь может провалиться по грудь.

Долго задержал нас приток Ангары Чадобец: в верховьях это была настоящая лесная река, текущая в обрывистых берегах, без галечников, в густых зарослях. Дно илистое, везде коряги – брод, очень опасный для лошадей. Пришлось соорудить мост из деревьев, перекинув их в узком месте через реку, и перетащить по нему весь груз. Лошадей прогнали порожняком.

На четвертый день мы спустились с этого однообразного плоскогорья в долину Подкаменной Тунгуски. На правом берегу открылись постройки Верхних Контор: несколько изб на террасе; кругом на небольшой полянке остатки пней, а дальше до горизонта безбрежная тайга. На реке видно несколько больших лодок, – может быть, одна из них станет нашей!